

А. Д. ОРИШИН

Традиции древнерусского красноречия в ораторской прозе Ломоносова

Вопрос о древнерусских традициях в творчестве Ломоносова затрагивался до сих пор лишь применительно к его поэзии*. Что касается ораторской прозы Ломоносова, чрезвычайно восторженно встреченной современниками и принесшей автору славу российского Цицерона, то все немногочисленные попытки ее критического рассмотрения сводились к установлению ее зависимости от античного ораторского искусства**.

Не снимает этого вопроса и новейшее фундаментальное исследование Г. Н. Моисеевой «Ломоносов и древнерусская литература» (Л., «Наука», 1971), в котором с документальной точностью освещается широчайший круг знакомства Ломоносова с памятниками Древней Руси и их многообразное использование в исторических трудах и поэтическом творчестве гениального родоначальника новой русской литературы.

Главнейшие произведения ораторской прозы Ломоносова — Похвальные слова Елизавете и Петру — были написаны в полном соответствии с правилами красноречия, изложенными в «Риторике».

Не раз отмечалось, что в создании этого труда Ломоносов в той или иной степени использовал известные тогда риторики И. Кос-

* *А. Соболевский*. Когда у нас начался классицизм.— «Библиограф», 1890, № 1; *О. Покотилова*. Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетий.— В кн.: М. В. Ломоносов. Сборник статей. Под редакцией В. В. Сиповского. СПб., 1911; *Ю. Н. Тынянов*. Ода как ораторский жанр.— В кн.: «Архаисты и новаторы». Л., 1929; *Е. А. Касаткина*. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция.— «Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та», т. III (серия гуманитарных наук), 1946.

** *М. Каченовский*. Рассуждение о похвальных словах Ломоносова.— В кн.: «Труды общества любителей российской словесности при имп. Московском ун-те», ч. III, 1812, стр. 90–91; *А. Галахов*. Ответ г. Шевыреву на разбор его «Полной русской хрестоматии», составленной г. Галаховым.— «Отечественные записки», 1843, т. XXX, отд. VIII. стр. 7; *П. П. Пекарский*. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 580.

сепа, И. Готшеда и Ф. Помея. Однако ломоносовская «Риторика» не была простым переложением или компиляцией указанных авторов. Она строилась на непосредственном использовании и обобщении разнообразной языковой и поэтической практики, охватывающей, наряду с античной и европейской литературами, обширный материал древнерусской письменности, основательное знание которой Ломоносов вынес еще из стен Славяно-греко-латинской академии. Ломоносов с огромным уважением относился к поэтическим и языковым ценностям, заложенным в произведениях древнерусской литературы: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка,— писал он,— явствует довольно из книг, в прошлые века писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или быть могут»*.

Само освоение Ломоносовым приемов классического красноречия происходило не только непосредственно, но в какой-то мере и через национальную древнерусскую традицию, через хорошо известные в Древней Руси в славянских переводах сочинения отцов церкви, которые в своих проповедях широко использовали опыт античного ораторского искусства. В борьбе против современных ему церковников Ломоносов не раз использовал авторитет древнехристианских писателей: Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, подчеркивая при этом их преемственные связи с античной философией и искусством. В стихотворении «К Пахомию» Ломоносов писал:

Василий, Златоуст — церковные столпы —
Учились долее, как нынешни попы:
Гомера, Пиндара, Демосфена читали
И проповедь свою их штилем предлагали.
Не ставили за стыд из басен выбирать,
Что к праведным делам возможно преклонить.

VIII. 658

Примеры из произведений отцов церкви широко представлены и в «Риторике» Ломоносова. В ней цитируются сочинения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Селевкийского, Георгия Кедрена, Амвросия и др. Седьмая глава первой части, посвященная изобретению витиеватых речений, заканчивается таким наставлением: «Для подражания в витиеватом роде слова тем, которые других языков не разумеют, довольно можно сыскать примеров в словенских церковных книгах и в писаниях отеческих, с греческого языка переведенных...» (VII, 219).

* М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 582. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

Богатейший опыт в области красноречия был накоплен и в оригинальной древней русской литературе. И этот опыт также был учтен в литературно-художественной практике М. В. Ломоносова.

Сам жанр похвального слова, к которому обратился Ломоносов, не был новым и неизвестным для русской литературы. А. Соболевский, говоря о связях литературы XVIII века с предшествующей традицией, отмечал, что такие литературные формы, как ода, трагедия и роман, «господствовавшие в XVIII веке, пользовались в России известностью задолго до Ломоносова, Сумарокова и Эмина»*. С еще большим основанием это можно сказать о жанре похвального слова, который восходит к самым первым столетиям русской письменности, к традициям Киевской Руси.

Панегирическое красноречие было широко представлено в Древней Руси, как в переводах сочинений отцов византийской церкви, так и в оригинальной патристической литературе, проповедях Илариона, К. Смолятича, К. Туровского. Свидетельством высокого уровня ораторского искусства, достигнутого Древней Русью, может служить «Слово о законе и благодати» Илариона, включавшееся в хрестоматии как высочайший образец ораторской прозы. Отмечая своеобразие этого произведения, его отличие от обычной церковной проповеди, Е. Голубинский находил его чрезвычайно близким к торжественным речам XVIII века. Действительно, «Слово о законе и благодати» и по содержанию, и по форме представляет собой не столько проповедь, посвященную разъяснению богословского вопроса, сколько проникнутый высоким патриотическим пафосом панегирик киевскому князю Владимиру и русской земле. В еще большей степени панегирическое красноречие представлено в житийной древнерусской литературе, в житиях Бориса и Глеба, Александра Невского, Дмитрия Донского, Стефана Пермского, Сергия Радонежского и многих других. Риторическая похвала герою является весьма существенным элементом житийного жанра. Наконец, если говорить о традициях панегирической литературы, хронологически непосредственно предшествующей Ломоносову, то следует сказать об ораторской прозе таких деятелей Петровской эпохи, как Ф. Прокопович, С. Яворский, Г. Бужинский — авторов многочисленных проповедей и похвальных слов Петру I.

Но преемственная связь ломоносовских похвальных слов с литературной традицией русского средневековья отнюдь не исчерпывается жанровыми признаками, она в значительной степени затрагивает и сферу поэтического стиля. В похвальных словах Ломоносова обнаруживается ряд таких композиционно-стилистических приемов и изобразительных языковых средств, которые являются весьма су-

* А. Соболевский. Указ. соч., стр. 2.

щественными и устойчивыми признаками поэтического стиля древнерусской панегирической прозы.

Похвале героя в произведениях Древней Руси обычно предшествует самоуничтожительное авторское обращение к читателю, содержащее признание автора в своей греховной недостойности предпринимать настоящий труд, в слабости своего дарования, неискушенности в риторских науках. Подчеркивая несоответствие своих скромных возможностей важности и ответственности задачи, автор обращался к читателю с просьбой о прощении и оправдывал свою смелость надеждой на божью помощь и на то, что бог не красных словес требует, а добрых дел и чистосердечного усердия. В житии князя Александра Невского читаем: «О господе бозе нашемъ азъ худый, грешный, малосмысленый, покушаюся написати житие святого князя Олександра сына Ярославля, внука Всеволожа... Аще грубъ есмъ, но молитвами святыя госпожа богородица и поспешениемъ святаго князя Александра Ярославича начаток положю себе»*. Иногда этот мотив находим не в начале, а в конце произведения, как, например, в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Азъ же недостойный не възмогохъ твоему преславному господству по достоянию хвалы приложити, за грубость неразумия»**. Пространным авторским самоуничтожением заканчивается житие Стефана Пермского Епифания Премудрого.

У Ломоносова этот мотив лишен религиозной окраски, характерной для древнерусского книжника, но составляет существенную принадлежность вступительных частей его похвальных слов. В «Похвальном слове Елизавете» непосредственно перед обращением к основной части слова читаем: «Велико дело и меру моего разума превосходящее предприемлю, когда при толь знатном собрании, именем сего ученого общества, за несказанное благодеяние величайшей на свете Государыне благодарение и похвалу приносить начинаю. Но рассудив прилежно, обретаю оное легко и способно, ибо где обильнейшую материю сыскать красноречие, где обширнее распространиться разум, где быстрее устремиться искренняя ревность может, как в преславных добродетелях толь великия Монархини? <...> Не снисканием многословного мыслей распространения увеличено, не витиеватым сложением замыслов или пестрым преложением речений украшено, ниже риторским парением возвышено будет сие мое слово, но все свое пространство и величество от несравненных свойств Монархини нашея... примет» (VIII, 238). Заканчивая «Слово», Ломоносов снова говорит о недостаточности своих сил для того, чтобы выразить всю глубину своих чувств: «Наше

* «Житие Александра Невского». Публикация В. И. Малышева.— «Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР», V. М.— Л., 1947, стр. 188.

** «Полное собрание русских летописей», т. VI. СПб., 1853, стр. 110.

неописанное удовольствие и крайняя благодарность хотя никоим красноречием изображены быть не могут; однако искреннюю ревность и рабскую верность нашу Величеству Твоему сим засвидетельствовать тщимся по мере сил наших, ведая, что Бог и Божию власть на земли имеющие не столько на хитросплетенные риторские сложения, сколько на чистое усердие взирают» (VIII, 256). Аналогичным рассуждением завершается и вступительная часть похвального слова Петру.

Находит соответствие в древнерусских памятниках и такой прием, используемый Ломоносовым, как рассуждение в форме риторических вопросов о порядке изложения темы. Похвала делам и добродетелям царя в «Похвальном слове Петру» предваряется следующим авторским размышлением: «Сие предпринимая, откуду начну мое слово? От телесных ли Его дарований? От крепости ли сил? Но оные явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неисчислемых, и в разрушении ужасных препятствий» (VIII, 590). Этот риторический прием, когда автор, как бы потрясенный важностью и обширностью темы, не знает, с чего начать свое слово, встречается в памятниках древнерусского красноречия. Например, «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» начинается следующими рассчитанными на определенный эффект словами: «Откуду начнем плакати, увы, толикаго падения преславныя, ясносящия превеликия России? Которым началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стонания?»*

Использует Ломоносов и один из наиболее часто употреблявшихся в произведениях панегирического стиля Древней Руси приемов: уподобление героя библейским персонажам или прославленным деятелям античной истории (Моисею, Соломону, Александру Македонскому, Цезарю Августу и др.). Ломоносов использует этот прием в заключительной части «Похвального слова Петру»: «С кем сравню Великого Государя? Я вижу в древности и в новых временах Обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многие государства, но свое отечество без признания оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованного; но с обеих сторон пролил кровь своих сограждан, ради одного своего честолюбия, и вместо триумфа слышал плач и рыдание своего отечества. Иной многими добродетельми украшен, но, вместо чтоб воздвигнуть, не мог удержать тягости падающего государства. Иной был на земле воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земли пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, однако человеческого достояния и наследства

* «Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. Русская историч. б-ка», т. XIII. Изд. 2. СПб., 1809, стр. 219.

не имел разума. Других не употреблю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципионы, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели, то Петр сделал в краткое время своей жизни» (VIII, 611).

Еще ощутительнее преемственные связи ораторской прозы Ломоносова с древнерусским красноречием сказываются в области поэтического языка. Метафоричность, доставляющая характерное качество ломоносовской прозы, в значительной мере связана с метафорически-символическим стилем религиозно-дидактической и панегирической литературы русского средневековья. В похвальных словах Ломоносова нетрудно обнаружить целый ряд метафор, ведущих свое происхождение от той системы метафор-символов, которая сложилась в древнерусской литературе в результате взаимодействия византийско-славянских произведений и поэтики устного народного творчества. «В средневековой русской литературе,— писала В. П. Адрианова-Перетц,— как и в русском фольклоре, метафора-символ опирается чаще всего на уподобление человека и его переживаний светилам небесным, стихиям природы, миру животному и растительному»*.

В похвальных словах Ломоносова ряд метафор и метафорических эпитетов восходит к противопоставлению света и тьмы, дня и ночи, лежащему в основе большого количества разнообразных метафор и в древнерусских памятниках. Например: пресветлая радость, пресветлый праздник, пресветлое око, пресветлый дом, сияние отрады, мрак печален, мрачная гроза неспокойства, ночь варварства.

Еще более значительную группу составляют метафорические выражения и эпитеты из растительного мира, связанные с древнерусскими образами сада, плодоносного дерева, благоухающего цветка. В древнерусских памятниках эти образы часто употреблялись в качестве символов царского рода. Плодам и цветению обычно противопоставлялись тернии и увядание.

Ломоносов использует традиционный образ сада применительно к царскому роду в весьма оригинальном сравнении в «Похвальном слове Елизавете». Выражая мысль о том, что царь должен править прежде всего милостью и награждением добродетелей, он сравнивает царя, правящего только страхом и истреблением пороков, с владельцем сада, который только об одном истреблении терния печется, забыв плодоносного дерева и прекрасные цветы напаять потребною влагою». Такой владелец «в недолгом времени увидит дерева свои сухи и бесплодны и цветы, увянувшие от зноя. Напротив того, кто дерева плодоносные и процветающие травы в пристойное

* В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1947, стр. 19.

время орошают, презирая плевы и токмо прохождением попирая, тот насладится изобилием древ плодоносных и красотою цветов возвеселится, которые усилившись иссушат тучность и соки негодных и вредных прозябаний, прекратится тех ращение и корень истлеет» (VIII, 250).

Часто применяет Ломоносов производные от метафор сада, цветка, плодов метафорические глаголы и эпитеты: «насаждать науки», «расплодить добродетель и искоренить пороки», «науки процветут», «цветущее состояние», «цветущая добродетель» и др. В большинстве случаев эти метафорические выражения у Ломоносова связаны с обозначением пользы, которую приносят науки и просвещение. В этом смысле он употребляет и древнерусский метафорический образ дерева: «произрастет здесь насажденное Петром, огражденное милостью и напоенное щедростью достойныя толикого Родителя дщери прекрасное премудрости древо» (VIII, 253).

К традиционным метафорам-символам древнерусской литературы относится и метафорическое выражение в «Похвальном слове Елизавете»: «Насажденный добродетельми виноград», восходящее к евангельской притче о винограде и делателе.

Используя устойчивые метафорические образы и формулы русского средневековья, Ломоносов, однако, остается верен одному из основных требований своей эстетики — соблюдению чувства меры в употреблении риторических средств. Известно, что в ряде произведений древнерусской литературы, особенно XV–XVI веков, метафоризация достигает таких размеров и приобретает настолько искусственный характер, что из средства наглядности изображения превращается в средство стилистического украшения, нередко затрудняющее надуманностью и отдаленностью уподоблений по вторичным и третичным признакам понимание смысла речи. Ломоносовской ораторской прозе чужд затрудненный метафоризм. Она всегда остается в пределах ясных и общепонятных уподоблений, имеющих целью наглядность, картиность изображения.

Тесное родство ораторской прозы Ломоносова с поэтикой древнерусского красноречия обнаруживается и в эпитетах. В произведениях древнерусской литературы эпитет обычно не был связан с индивидуализацией и конкретизацией изображаемого явления. Как правило, он указывал наиболее важные родовые признаки изображаемого предмета. Эта специфика древнерусского эпитета находилась в полном соответствии с особым характером отражения действительности в древней русской литературе, ставившей своей задачей изображение жизни в ее идеальной форме, т. е. в форме общего, типического, а не в ее конкретно-индивидуальных проявлениях.

Эпитеты, употребляемые Ломоносовым в его похвальных словах, также указывают на наиболее устойчивые общие признаки челове-

ка или явления и в этом отношении, точно так же как и древнерусские эпитеты, обнаруживают большое сходство в своем характере с постоянными эпитетами устной народной поэзии. Вот некоторые примеры ломоносовских эпитетов: кроткое правосудие, кроткая беседа, истинное благочестие, щедрая рука, тяжкое бремя, жестокое поражение, горячее усердие, высокая десница, крепкая стража, верные сыны отечества, великие реки, превысокие горы, возлюбленное отечество, громкая слава, несказанная радость, обильные дары, высокий престол, чудные дела, плодоносное лето, глубокие язвы, тяжкие вериги, тяжкие труды, ужасные препятства, труды неусыпные, несравненная премудрость и др.

Существенную роль в стилистической окраске похвальных слов Ломоносова играет библейская фразеология. Похвальные слова Ломоносова изобилуют ходячими оборотами, метафорическими выражениями из Псалтыри, Книги Бытия, пророков, евангелий, церковных служб и песнопений. В комментариях М. И. Сухомлинова к «Похвальным словам» в четвертом томе старого академического издания сочинений Ломоносова отмечено 15 мест, находящих многочисленные параллели в библейских книгах: «на холмах радостию препоясанных» «непостыдная надежда», «бог крепкий во брани», «аки невеста в день брачный», «к пресветлому жениха престолу», «возносит рог», «восстани и ходи», «в преподобии и правде» и др.

Несомненно, что это использование библейской фразеологии также может быть поставлено в связь с традициями древнерусского красноречия, складывавшегося под значительным воздействием библейского стиля. Необходимо, однако, оговориться, что ломоносовские библеизмы нельзя сводить к прямому и намеренному заимствованию или подражанию тем или иным конкретным произведениям. Употребление их в ораторской прозе Ломоносова не что иное, как непроизвольное проявление обширной начитанности Ломоносова в переводной церковно-славянской и оригинальной древней русской литературе. Весьма характерно в этом отношении, что наибольшее количество библейских выражений и оборотов, встречающихся в похвальных словах Ломоносова, восходит к Псалтыри — книге, которую Ломоносов с юношеских лет знал наизусть.

Таким образом, преемственные связи Ломоносова с древней русской литературой были шире и глубже, чем это представлялось до последнего времени. Они ощутительно сказываются не только в исторических трудах Ломоносова, его поэзии и драматургии, но и в его ораторской прозе. Приведенные выше примеры лишний раз свидетельствуют, что эти связи охватывают не только предшествующий Ломоносову XVII век, а весь период древнерусской литературы в целом.

